

ПРОБЛЕМАТИКА НАКОПЛЕНИЯ ЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ СМЫСЛОПОРОЖДЕНИЯ

Аннотация. *Сегодня в философии, а также в иных гуманитарных и естественных науках все более значимыми становятся проблемы преодоления ограничений классического и неклассического подходов (в терминологии В.С. Стёпина). Хотя в этом направлении проделана уже значительная работа, однако остается еще множество неясных и непроработанных моментов. Одним из них является проблематика смыслопорождения при выработке всего спектра знания. Именно прояснению и раскрытию отдельных важных моментов данной проблематики и посвящена предлагаемая статья. В ней, отталкиваясь от ряда работ научных вдохновителей (в частности, современного французского философа Жюль Делёза, а также Я.И. Свирского) и предшественников автора, сравниваются и сопоставляются различные точки зрения на феномен смыслопорождения. При этом рассматривается такой важный момент, как взаимосвязь процессов смыслопорождения с процессами определения истинности или ложности осмысленной информации, возникшей в результате удачного завершения первых процессов. В конечном итоге, в статье выработывается методологический набросок общей схемы описания процессов смыслопорождения во всем спектре знания. Смыслы (в соответствии с гипотезами Делёза, которые развил далее Я.И. Свирский) привязываются к Делёзовскому концепту поверхности, на которой происходит их пролиферация и своеобразное разбегание.*

Ключевые слова: *Жюль Делёз, Я.И. Свирский, поверхность, смысл, логика, трансдисциплинарность, междисциплинарность, виды знания, научные теории, пролиферация.*

Сегодня для многих исследователей и специалистов (философов, социологов, ученых, специализирующихся в области естественных наук, и других научных работников) становится все более очевидным то обстоятельство, что любое накопление (производство) человеческого знания сопровождается смыслопорождением. В частности, в науке процессы наделения смыслом продуцируются учеными на всех этапах исследований, начиная с проведения наблюдений и заканчивая созданием теорий. Именно эти процессы, наряду с другими факторами, вносят творческий элемент даже в ситуацию наблюдения. Конечно, при наблюдении этот элемент не особо велик, но, тем не менее, он там присутствует. Причем сам подход, декларирующий связь наблюдения (которое часто считается рутинной и в чем-то механической деятельностью) с определенным творчеством (в широком смысле), далеко не нов. Например, целый ряд европейских философов Нового времени уже рассматривали наблюдение как особое

искусство, т.е. специфическую практику или набор практик¹.

Помимо творческого элемента при всех способах порождения научного знания присутствует вычленение или выделение (с последующим оформлением) какой-либо информации, которая упорядочивается в ходе этой операции. Собственно, как хорошо известно, к примеру, из работ Т. Куна, П. Фейерабенда или Б. Латюра, учёный не является отстраненным, зависшим в идеальной пустоте своего кабинета или лаборатории абстрактным «наблюдающим разумом», холодно и скрупулезно разбирающим наличную ситуацию эксперимента или втискивающим навсегда истинные и непоколеби-

---

¹ За более подробным описанием связи творчества с наблюдением можно обратиться к статье: Позер Х. Искусство наблюдения как искусство изобретения // Эпистемология & философия науки. 2007. Т. XIII. № 3. С. 17-36. Также неустрашимость творческого начала при выработке научного знания достаточно подробно разобрана в статье: Маркова Л.А. Перспектива науки: смысл как альтернатива истине // Эпистемология & философия науки. 2009. Т. XXII. № 4. С. 48-56.

мые законы природы в разрабатываемую теорию. Напротив, это такие же люди, погружённые в среду своей эпохи, пространство господствующих научных взглядов и установок, а также собственных привычек и пристрастий – всего того, что можно назвать социальной атрибутикой (нагруженностью) знания. Поэтому они и проводят своеобразную выборку информации, отбрасывая то, что им кажется лишним и мешающим или даже бессмысленным и неформализуемым (некий информационный «белый шум»). Собственно, ни естественные науки, ни математика, ни инженерная деятельность не могут (и не могли) обходиться без подобных практик, они являются одними из базовых для инженера и ученого. Именно их привнесение позволяет возводить т.н. «здание науки», методично присовокупляя к верху старых стен еще один новый кирпич, хотя, конечно же, все это здание в различные времена может рушиться, перестраиваться и радикально обновляться. Начиная с операции наблюдения и заканчивая построением теории, отсечение мешающего и ненужного материала сопровождает все процессы смыслопорождения научного знания. При этом к подобному материалу можно отнести как непонятые и отброшенные факты, зафиксированные во время наблюдения, так и целые теории (более того, даже иные парадигмы²), господствовавшие или конкурирующие друг с другом на том или ином этапе развития науки.

Опять же, при всех способах получения научного знания мы сталкиваемся с неким событием, которое должно быть рассмотрено как онтологически, так и эпистемологически. Достаточно большую работу по описанию феномена события провели известные современные философы Жиль Делёз и Ален Бадью³. Причем их отличающиеся друг от друга концепты «события» достаточно схожи, хотя и обладают несколькими важными своеобразными нюансами⁴. Для них обоих событие

имеет скорее онтологическое значение, чем эпистемологическое, точнее даже онтология события начинает устранять и поглощать (охватывать) его эпистемологию, что особо сильно прослеживается у Бадью. Также эти философы напрямую связывают событие с ситуацией возникновения смысла, т.е. события наделяются смыслом и, наоборот, возникновение смысла является событием. Так, Делёз говорит о смысле то, что: «Стоики открыли его вместе с событием: смысл – выражаемое, в предложении – это бестелесная, сложная и нередуцируемая ни к чему иному сущность на поверхности вещей; чистое событие, присущее предложению и обитающее в нем»⁵. При этом его понимание события гораздо более физикалистично, по сравнению со взглядами Бадью. Опираясь, в первую очередь, на стоиков (хотя и признавая заслуги эпикурейцев, а также, отчасти, киников в этом вопросе), Делёз описывает возникновение события в его непосредственной взаимосвязи с поверхностью физических тел: «Событие обитает в выражающем его предложении, а также оживает в вещах на поверхности и на внешней стороне бытия... Один раз событие представлено в предложении, где оно обитает, и еще раз в положении вещей, где оно вдруг возникает на поверхности»⁷. Или: «Поверхность ни активна, ни пассивна, она – продукт действий и страданий перемешанных тел. ...Имеется целая

бург: Деловая книга, 1998; Бадью А. Манифест философии / Сост. и пер. с франц. В.Е. Лапицкого. СПб.: Machina, 2003; Бадью А. Апостол Павел. Обоснование универсализма / Пер. с фр. О. Головой. М.: Московский философский фонд; СПб.: Университетская книга, 1999; Бадью А. Этика: Очерк о сознании Зла / Пер. с франц. В.Е. Лапицкого. СПб., Machina, 2012. О непростых взаимоотношениях Делёза и Бадью можно прочесть в: Бадью А. Делёз. Шум бытия / Пер. с франц. Д. Скопина. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Логос-Альтера/Esse homo, 2004.

В какой-то мере, Бадью был для Делёза таким суматошным оппонентом, как Фейерабенд для Лакатоса, только никакая особая дружба первых не связывала, да и Делёз на критику Бадью всегда реагировал вяло и неохотно. Причем, если философия Делёза ближе к философским построениям Фейерабенда, то концепции Бадью больше походят на теории философии науки, предлагаемые Лакатосом.

⁵ Делёз Ж. Логика смысла. М.: Раритет, Екатеринбург: Деловая книга, 1998. С. 38.

⁶ За более подробным описанием концепта «события» можно обратиться, к примеру, к диссертации Я.И. Свирского (Свирский Я.И. Нелинейный мир постнеклассической науки и творческое наследие Ж. Делёза. М., 2004).

⁷ Там же. С. 56.

² Хорошо известен пример господства физики Аристотеля в Европе в Средние века, которое приводило к разнообразным гонениям на инакомыслящих. Однако, после достаточно мучительного (в первую очередь, для ученых-еретиков) перехода к галилеевско-ньютоновской парадигме, физика Аристотеля была заменена иным парадигмальным аппаратом.

³ Безусловно, здесь можно было бы назвать еще много известных имен, но нас в большей степени интересуют именно эти два философа.

⁴ Для более подробного ознакомления со взглядами этих мыслителей читатель может обратиться к следующим источникам: Делёз Ж. Логика смысла. М.: Раритет, Екатеринбург:

физика поверхностей как эффект смесей в глубине – физика, вбирающая в себя бесконечные изменения и пульсации всего универсума». У Бадью же, напротив, присутствует желание отойти от материальности и физичности в область платоновских эйдосов и возвышенных математических формул. Т.е., если Делёз является апологетом некоего «смесового» события (оно у него, зачастую, нагружено материальностью и физичностью), то Бадью стремится отнести событие к области чистых смыслов и математических истин. Хотя следует отметить, что область эйдетических истин не является единственной и всеподавляющей у последнего, так, он пишет о появлении события дополнительно в областях: политического, поэтического и любовного⁸. Причем Бадью понимает первую область достаточно широко, стремясь выделить в ней именно ряд знаковых Событий (тут как раз уместно написать данное слово с прописной буквы), к которым приводят в итоге те тенденции (векторы развития), что существуют в обществе. Вторая область также чрезвычайно широка и включает в себя не только поэзию, но и прозу, а также философские произведения⁹. Наконец, третья заключает в себе чуть ли не все проявления человеческой чувственности.

Из-за разницы в подходе этих двух философов к концепту «события» появляется еще одно важное отличие: у Делёза события (если говорить несколько утрированно) стремятся ко все большему «измельчанию», а у Бадью – ко все большей обширности и тотальности¹⁰. Кроме того, последний уделяет особое внимание рефлексии над сущностью события после его свершения (после развития особой ситуации, из которой рождается событие), именно подобная рефлексия призвана у Бадью

определить, являлось ли произошедшее некоторым подлинным (знаковым, важным, преобразующим, созидющим и т.п.) событием или же нет. В силу указанных особенностей этих двух подходов, при описании особенностей получения нового знания представляется целесообразным совместить их: отойти от физикалистских моментов и отказаться от нацеленности события на тотальность, масштабность и важную ценностную значимость.

Конечно же, при изучении окружающего мира смыслы возникают при постижении состояний различных вещей, наполняющих мир, т.е. они с ними, безусловно, связаны, но сами мыслительные акты всегда «вычленяют» смыслы из мира, особым образом их конструируя. Даже если признать, что всех возможных сконструированных смыслов может быть великое множество, тем не менее всегда присутствует та же возможность ошибки, допущенной человеком. Случайно возникшая ошибка всегда будет подспудно наделять ложным смыслом¹¹, созданным человеком, предметы и вещи, положение (состояние) которых он должен отражать. В общем, в подобном случае, момент порождения смысла на поверхности становится решающим, мы иногда насильно навязываем вещам свое представление о них. Можно условно прикрепить к поверхности вещи абсолютно все порождаемые смыслы, но тогда не может быть уверенности, что мы, ошибившись и перепутав, не связываем с вещью те смыслы, которые должны соотноситься с иными вещами. Таким образом, вещи, за счет приданным им смыслов, могут просто сливаться друг с другом в бесконечный калейдоскоп, где любая условно вычленяемая вещь всегда способна превратиться в другую (или другие). Естественно, сам процесс вычленения отдельных вещей также может представляться не особо правильным, однако идеал изучения всей Вселенной целиком, охват ее взглядом и мыслью могущественного демиурга, увы, нереа-

⁸ Можно предположить, что Бадью, постепенно проникаясь философией Делёза, которой некоторое время противостоял, стремится очистить концепцию события как раз от ненужного, как ему кажется, и наносного физикализма.

⁹ Что вполне можно сравнить с водимым А.Л. Никофоровым понятием «литературной философии». (Никофоров А.Л. *Природа философии // Вестник Томского государственного университета*. 2009. № 3(7)).

¹⁰ Тут, вероятнее всего, сказываются политические предпочтения Бадью: он практически всегда позиционировал себя как убежденного маоиста (помимо прочего, он принимал активное участие в деятельности СКФ (МЛ) – Союзе коммунистов Франции (марксистов-ленинцев)), в то время как Делёзу больше свойственно тяготение к анархическому мировоззрению, хотя данный философ и не состоял ни в каких анархических организациях.

¹¹ Опять же, Я.И. Свирский в своей диссертации (Свирский Я.И. *Нелинейный мир постнеклассической науки и творческое наследие Ж. Делёза*. М., 2004) специально проводит различие между смыслом как некоей информацией (данный смысл может быть и ложным) и смыслом как определенной логической конструкцией (он всегда истинен). К примеру: «Дело в том, что как истина, так и ложь – обе обладают смыслом. При этом следует учитывать, что смыслом наделяются далеко не только словесные высказывания, претендующие на обозначение более или менее познанный реальности, но и невербальные действия, вплоть до спонтанных телесных отправлений (как это демонстрирует психоанализ)». (Там же. С. 55.)

лизуем. Поэтому правильнее приписать обладание уже сформированным (сконструированным) смыслом скорее человеку, чем предметам окружающего мира, или же, в другой формулировке, отнести смысл (смыслы) к третьему миру Поппера, что, отчасти, и предлагает Бадью.

Также закрепление за смыслом особой масштабности и значимости неуместно при его рождении, к примеру, в ходе простого наблюдения за какими-либо процессами и вещами. В подобной ситуации отдельное событие возникновения смысла слишком мало и даже рутинно, хотя это и не сильно снижает его значение в рамках того или иного наблюдения. Допустимо, конечно, иерархизировать события, ставя какое-нибудь неожиданное теоретическое озарение ученого выше простой фиксации состояния изучаемой вещи при наблюдении, но такое разделение существенно ничего не меняет в самой природе события и только подчеркивает разнообразие его видов.

Однако, даже при отнесении смысла к третьему миру Поппера, возникает важный вопрос о его соотносительности с истиной. В принципе, даже такой суровый и жесткий поборник истины, каковым являлся Витгенштейн во времена написания «Логико-философского трактата», замечал: «Смысл Мира должен лежать за его пределами. В Мире все есть как есть и происходит как происходит...»¹². Причем и современные логики и философы науки соглашаются (несколько неохотно, правда), что в той же эпистемологии исключительно логические подходы не всегда действуют. К примеру, П.С. Куслий пишет в статье «Понятие истины в логике и эпистемологии: пределы междисциплинарности»: «Применение логического аппарата является крайне полезным для эпистемологии, как и любой другой дисциплины, поскольку позволяет сделать эпистемологическое исследование внутренне когерентным и обоснованным. Однако эпистемология не может быть полностью заменена логикой, даже не смотря на то, что понятие истины является центральным в обеих дисциплинах, потому что их проблемные области не тождественны»¹³. Хотя старшее поколение отечественных логиков

и настроено в этом вопросе более скептически, так А.Л. Никифоров в статье «Понятие истины в теории познания» останавливается на точке зрения Куна, признавая только лишь конечную невозможность выявить единую истину для разных научных парадигм¹⁴. Пожалуй, неплохим выходом из проблемы взаимосвязи смысла с истиной было признание за смыслом нейтральности по отношению к истине, т. е. смысл должен представляться в виде некоего нейтрального «субстрата» (основы), из которого затем с помощью дополнительных процедур извлекается истина¹⁵. Поэтому многие знания это просто та информация, которая должны проверяться и перепроверяться.

Кроме того, разработка проблематики истины в работах Бадью, одного из последних певцов и герольдов царственной истины, близка указанному решению. Собственно, истина у Бадью вслед за Платоном и Парменидом (здесь можно привести множество величавых фигур рыцарей и поборников истины) выступает чем-то тотальным, практически надмирным, хотя, благодаря его теории множественности, горний мир соединяется с дольным. Правда, он пишет о том, что «не бывает знания истины, а бывает лишь производство истин»¹⁶. Также «изначально в ситуации, если ее не дополняет какое-либо событие нет никакой истины»¹⁷. В общем, Бадью понимает истину достаточно релятивистски и плюралистично, хоть и стремится всегда сохранять ей верность, также он стремится вывести под конец рефлексивно-философского анализа единственную конечную истину, но множество протоистин и конечная истина всегда находятся у него в каком-то позиционном противостоянии, за которым лишь изредка следует момент гегелевского снятия¹⁸. Таким образом, у данного философа

¹² Витгенштейн Л. Избранные работы / Пер. с нем. и англ. В. Руднева. М.: Территория будущего, 2005. С. 213.

¹³ Куслий П.С. Понятие истины в логике и эпистемологии: пределы междисциплинарности // Междисциплинарность в науках и философии / Отв. ред. И.Т. Касавин. М.: ИФ РАН, 2010. С. 173.

¹⁴ См.: Никифоров А.Л. Понятие истины в теории познания // Эпистемология & философия науки. 2008. Т. XVI. № 2. С. 50-65.

¹⁵ Подобного подхода придерживается, например, Л.А. Маркова в своей статье «Нейтральность смысла» (Маркова Л.А. Нейтральность смысла // Эпистемология & философия науки. 2008. Т. XVIII. № 4. С. 61-68).

¹⁶ Бадью А. Манифест философии / Сост. и пер. с франц. В.Е. Лапицкого. СПб.: Machina, 2003. С. 48.

¹⁷ Там же. С. 17.

¹⁸ В это короткой статье нет возможности оценить все нюансы разработки Аленом Бадью проблем Много и Единого, истины и смысла, его несколько странного платонизма, использования им математического аппарата, поэтому пытли-

фа истина оказывается результатом бесконечной процедуры¹⁹. Мы не будем здесь обсуждать все достоинства и недостатки концепции истины, предлагаемой Бадью. Единственно, следует отметить, что у него также отчасти постулируется дополнительное выявление истины из ситуации события создания смысла.

Кроме того, представляется полезным дополнительно обратиться к уже упоминавшейся ранее диссертации Я.И. Свирского «Нелинейный мир постнеклассической науки и творческое наследие Ж. Делёза»²⁰ (с которой у автора статьи имеются лишь небольшие и стилистические различия, по сути, в данной статье лишь несколько перерабатывается и дополняется концепция Свирского). Здесь не имеет смысла пересказывать данную работу, однако следует указать, что, по мнению этого философа, поверхность смысла у Делёза отсылает также к его концепции виртуального, предлагаемой в «Различии и повторении». Виртуальное по Делёзу никогда не противостоит реальному, существуя как «определенная часть реального объекта – как будто одна из частей объекта находится в виртуальном, погружена в него как в объективное измерение»²¹. Виртуальному противопоставлено только актуальное, первое превращается во второе в процессе своей актуализации (или «дифференциации»). Данный процесс как раз и представляется подлинным

становлением или событием, в результате которого не возникает подобие, а продуцируется различие и расхождение. Т.е. под поверхностью находится множество виртуальных тенденций, которые сохраняют всегда свою реальность и могут актуализироваться или не актуализироваться с различной степенью вероятности. Так, какой-либо ученый может открыть что-либо или же нет, создать теорию или ограничиться лишь гипотезами, грамотно провести и проинтерпретировать эксперимент или же ошибиться при его проведении и оценке значимости и т.д. Сама поверхность при этом становится чем-то вроде отсекающей плоскости, на которой происходит «разбегание» смыслов, которые в дальнейшем должны пройти проверку на истинность.

В конце этой короткой статьи хотелось бы отметить, что автор не претендует на создание некоторой всеобъемлющей и окончательной системы описания возникновения смысла в познании, а также его связи с истиной. Проблематика, затронутая здесь слишком обширна, она неоднократно будоражила (да и будет будоражить философские умы). Поэтому предлагаемый текст является лишь наброском, эскизом к более скрупулезному философскому исследованию данных проблем. Естественно, он также служит приглашением к диалогу для всех людей, кому интересна и важна затронутая в статье проблематика.

Список литературы:

1. Бадью А. Апостол Павел. Обоснование универсализма / Пер. с фр. О. Головой. М.: Московский философский фонд; СПб.: Университетская книга, 1999.
2. Бадью А. Делёз. Шум бытия. / Пер. с франц. Д. Скопина. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Логос-Альтера/Esse homo, 2004.
3. Бадью А. Манифест философии / Сост. и пер. с франц. В.Е. Лапицкого. СПб.: Machina, 2003.
4. Бадью А. Этика: Очерк о сознании Зла / Пер. с франц. В.Е. Лапицкого. СПб.: Machina, 2012.
5. Витгенштейн. Л. Избранные работы / Пер. с нем. и англ. В. Руднева. М.: Территория будущего, 2005.
6. Делёз Ж. Логика смысла. М.: Раритет, Екатеринбург: Деловая книга, 1998.
7. Делёз Ж. Различие и повторение. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998.
8. Куслий П.С. Понятие истины в логике и эпистемологии: пределы междисциплинарности // Междисциплинарность в науках и философии / Отв. ред. И.Т. Касавин. М.: ИФ РАН, 2010.

вого читателя можно отослать, помимо упомянутых выше работ, к основному труду этого философа: Badiou A. L'Être et l'Événement. Paris: Seuil, coll. L'ordre philosophique, 1988.

¹⁹ Бадью А. Манифест философии / Сост. и пер. с франц. В.Е. Лапицкого. СПб.: Machina, 2003. С. 69.

²⁰ Свирский Я.И. Нелинейный мир постнеклассической науки и творческое наследие Ж. Делёза. М., 2004.

²¹ Делёз Ж. Различие и повторение. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. С. 256.

9. Маркова Л.А. Нейтральность смысла // Эпистемология & философия науки. 2008. Т. XVIII. № 4.
10. Маркова Л.А. Перспектива науки: смысл как альтернатива истине // Эпистемология & философия науки. 2009. Т. XXII. № 4.
11. Никифоров А.Л. Понятие истины в теории познании // Эпистемология & философия науки. 2008. Т. XVI. № 2.
12. Никифоров А.Л. Природа философии // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 3(7).
13. Позер Х. Искусство наблюдения как искусство изобретения // Эпистемология & философия науки. 2007. Т. XIII. № 3.
14. Свирский Я.И. Нелинейный мир постнеклассической науки и творческое наследие Ж. Делёза. М., 2004.
15. Badiou A. L'Être et l'Événement. Paris: Seuil, coll. L'ordre philosophique, 1988.

References (transliteration):

1. Bad'yu A. Apostol Pavel. Obosnovanie universalizma / Per. s fr. O. Golovoi. M.: Moskovskii filosofskii fond; SPb.: Universitetskaya kniga, 1999.
2. Bad'yu A. Delez. Shum bytiya. / Per. s frants. D. Skopina. M.: Fond nauchnykh issledovaniy «Pragmatika kul'tury», Logos-Al'tera/Esse homo, 2004.
3. Bad'yu A. Manifest filosofii / Sost. i per. s frants. V.E. Lapitskogo. SPb.: Machina, 2003.
4. Bad'yu A. Etika: Ocherk o soznanii Zla / Per. s frants. V.E. Lapitskogo. SPb.: Machina, 2012.
5. Vitgenshtein. L. Izbrannye raboty / Per. s nem. i angl. V. Rudneva. M.: Territoriya budushchego, 2005.
6. Delez Zh. Logika smysla. M.: Raritet, Ekaterinburg: Delovaya kniga, 1998.
7. Delez Zh. Razlichie i povtorenie. SPb.: TOO TK «Petropolis», 1998.
8. Kuslii P.S. Ponyatie istiny v logike i epistemologii: predely mezhdistsiplinarnosti // Mezhdistsiplinarnost' v nauках i filosofii / Otv. red. I.T. Kasavin. M.: IF RAN, 2010.
9. Markova L.A. Neitral'nost' smysla // Epistemologiya & filosofiya nauki. 2008. T. XVIII. № 4.
10. Markova L.A. Perspektiva nauki: smysl kak al'ternativa istine // Epistemologiya & filosofiya nauki. 2009. T. XXII. № 4.
11. Nikiforov A.L. Ponyatie istiny v teorii poznanii // Epistemologiya & filosofiya nauki. 2008. T. XVI. № 2.
12. Nikiforov A.L. Priroda filosofii // Vestnik Tomsogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 3(7).
13. Pozer Kh. Iskusstvo nablyudeniya kak iskusstvo izobreteniya // Epistemologiya & filosofiya nauki. 2007. T. XIII. № 3.
14. Svirskii Ya.I. Nelineinyi mir postneklassicheskoi nauki i tvorcheskoe nasledie Zh. Deleza. M., 2004.
15. Badiou A. L'Être et l'Événement. Paris: Seuil, coll. L'ordre philosophique, 1988.